DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.032

УДК 101 + 111.32 + 113/119 + 159.9

НЕОДНОВРЕМЕННОСТЬ И ОБЯЗАННОСТЬ СДЕЛАТЬ ЕЕ ДИАЛЕКТИЧНОЙ (май 1932 г.)*

Э. Блох

Аннотация: Предлагаемый перевод избранных фрагментов работы немецкого философа Эрнста Блоха «Наследство нашего времени» посвящен темпоральным характеристикам различных социальных групп германского общества начала XX века. Основными в этих характеристиках являются, во-первых, понятие «неодновременность», которое рассматривается в различных аспектах, во-вторых, понятие «наследство» как совокупность экономических, политических, культурных, ментальных элементов прошлого, сохранившихся в германском обществе 1930-х гг. Блох показывает влияние этих элементов на жизнь средних слоев — крестьян, ремесленников, мелкой городской буржуазии. Использование этих элементов в нацистской пропаганде объясняет, согласно Блоху, популярность нацизма в Германии. Дается характеристика Германии как «классической страны неодновременности». Автор ставит задачу переформулировать по-марксистски иррациональное в массовом сознании и не отдавать мечты и образы будущего реакционным силам. При этом Блох опирается на европейскую философскую традицию в лице Г. Гегеля и К. Маркса. Он вводит парные понятия «объективно неодновременные противоречия» и «субъективно неодновременные противоречия» в анализ современного капитализма. Социальная диалектика должна быть, по Блоху, в темпоральном аспекте многослойной.

Ключевые слова: неодновременность, прошлое, современность, объективно неодновременные противоречия, субъективно неодновременные противоречия, многослойная диалектика.

Для цитирования: Блох Э. Неодновременность и обязанность сделать ее диалектической (май 1932 г.) / пер. с нем. С. Е. Вершинина // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 139–157. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.032

* Bloch E. Erbschaft dieser Zeit // Bloch E. Werkausgabe : in 16 Bdn. Bd. 4. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1985. S. 104–126. Перевод печатается с разрешения издательства Suhrkamp Verlag (ФРГ).

NON-SIMULTANEITY AND THE OBLIGATION TO ITS DIALECTICS (May 1932)*

E. Bloch

Abstract: The proposed translation of selected fragments of the work of the German philosopher Ernst Bloch “The Heritage of Our Times” is devoted to the temporal characteristics of various social groups of German society at the beginning of the 20th century. The first fundamental concept in these characteristics is the concept of non-simultaneity considered in different aspects. Second, it is the concept of heritage as a set of economic, political, cultural, mental elements of the past that remained in German society of the 1930s. Bloch showed the impact of these elements on the life of the middle class (peasants, craftsmen, small-scale urban bourgeoisie). In Bloch’s view, the fact that the Nazis used these elements in their propaganda explains the popularity of Nazism in Germany. The author also forwards the characteristic of Germany as a classical state of non-simultaneity and poses the task to re-formulate the Marxist-style irrational in the mass consciousness and not to hand over dreams and images of the future to reactionary forces. Here Bloch makes use of the European philosophical tradition of Hegel and Marx. He introduces the concept of objectively non-simultaneous and subjectively non-simultaneous contradictions into the analysis of modern capitalism. Social dialectics, according to Bloch, should be multi-layered in the temporal aspect.

Keywords: non-simultaneity, past, modernity, objectively non-simultaneous contradictions, subjectively non-simultaneous contradictions, multi-layered dialectics.

For citation: Bloch, E. (2021), “Ungleichzeitigkeit und Pflicht zu ihrer Dialektik”, translated by Vershinin, S. E., *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 139–157 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.032

А. Раннее состояние

Не все люди находятся в одном и том же Теперь (Jetzt). Они находятся там только внешне — потому что их можно сегодня увидеть. Однако они не живут одновременно с другими. Они несут с собой в гораздо большей мере Прежнее (Frueheres), которое вмещивается в их жизнь. В зависимости от того, где кто-то находится телесно, прежде всего классово, у него есть свое время. Стародавние

* Bloch, E. (1985), “Erbschaft dieser Zeit”, in Bloch, E., *Werkausgabe, in 16 Bdn., Bd. 4*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, S. 104–126. The translation is printed with the permission of the publisher Suhrkamp Verlag (West Germany).

времена продолжают действовать в старых слоях как сегодняшние; здесь легко уходят в прошлое или мечтают о нем. Ясно, что такой закоряченный человек, который именно поэтому скрывается за притязаниями своего места или местечка, остается простаком... Как быть, если благодаря продолжающему действовать старокрестьянскому происхождению, он — как тип из прошлого — не вписывается в сверхсовременное предприятие? Вообще, различные годы сходятся в одном годе, который только и учитывается, и господствует. Они не цветут в Скрывшемся, как раньше, а противоречат Теперь; очень многозначительно, хмуро, с позиции прошлого.

Сила этого одновременного курса показала себя, она обещала новую жизнь, наворачивая только Старое. Массы тоже стремятся к нему, потому что невыносимое Теперь, по меньшей мере, не кажется таким невыносимым с Гитлером, рисующим для каждого мир доброй старины. Это меньше всего ожидавшаяся, более всего опасная сила, сразу и зажигательная и убогая, противоречивая и одновременная. Рабочие уже не одни с самими собой и с предпринимателями. Между ними начинают действовать гораздо более ранние силы, с совсем другого Низа.

Б. Неодновременности в сообщениях

Один род людей начинает всегда с самого начала. *Юность* часто отворачивается от текущего дня. Она не обладает им, но ее мечты происходят не просто от голодного желудка. Их телесно поддерживает пустое юное бытие (*Jungsein*), не являющееся современным. Молодых без работы легко купить справа и ввести в заблуждение. Молодые люди буржуазного происхождения, но без буржуазной перспективы, и без того идут вправо, где им что-то обещают. Однако примечательно, что никакая юность не находится в середине современности; не существует хозяйственной партии двадцатилетних. Двадцатилетнее состояние обращено в гораздо большей степени к чему-то другому, чем к сегодняшней овеществленной жизни.

Очевидно, что нет юности самой по себе, которая вырастала бы независимо от времени — так, как у юношей во все времена растёт одинаковая борода. Однако насколько это состояние различно в различных классах и временах, насколько слова, описывающие это состояние, сегодня другие, чем вчера, настолько же отчетливо всплывают в Теперь тела (*Leiber*) из очень ранних времен, посылают сюда кусок предысторической жизни. Если мальчики берут лук и стрелы, то юноши легко сходятся в дружеских союзах, ищут друзей и, прежде всего, отца, который часто не был их биологическим отцом.

Буржуазная молодежь чаще, чем пролетарская, попадает в такое положение, но не только потому, что она буржуазна, а потому, что она больше разлжена, несерьезна и мечтательна. Занятая в основном самой собой, эта молодежь

со своим сдвигом в романтическую правизну показывает, насколько внешними были их современные, предметные жесты. Острый воздух юности позволяет левому огню, если он горит, разгораться еще сильнее; но если «обновление» идет справа, то молодежь буржуазных и введенных в заблуждение кругов еще более искушаема: полнокровный, органический юноша — это хорошая почва для нацистов. Этому юноше предлагают себя союзы старого образца, осязаемая жизнь в малых группах, с известным предводителем (Fuehrer), а не с формальным номером во главе. Вкус этой юности особенно чувствителен для хороших мужских качеств: для силы, открытости, порядочности, чистоты; причем это «порядочное» принадлежит здоровым буршам¹, не поддающимся влиянию денег.

Отношения внутри группы действуют сильнее, чем научение, воодушевляющие слова точнее, чем исследующие, старые наряды прекраснее современных городов; так, хозяйственный повод, загоняющий буржуазную молодежь в прошлые мечты, соединяется с органическим беспокойством и собственным рассветом. То, что раньше впустую шумело и грезило, здесь, где современная взрослая жизнь стала малоубедительной, беспрепятственно сходит в прекрасную старину. Юность, не идущая в ногу с холодным Теперь, легче идет назад, чем в происходящее Сегодня, чтобы перейти в Завтра. И так до тех пор, пока различное время, в котором находится юность, не будет перенаправлено на Завтра.

Другой род идет издревле, с корнями. Такие люди живут почти так же, как их предки, делают то же самое, что они. Это *крестьянство*: в деревенской местности есть лица, которые при всей их юности так стары, что самые старые люди в городах не могут больше припомнить их. Если нужда или удобная возможность гонит их на фабрику, то крестьянская пословица говорит: работа не годится, если на нее сзывают свистком; именно так думает мелкий крестьянин, даже если он раньше жил не намного лучше, чем его батрак. Крестьянин умеет быть рачительным, он припрятал свою старую одежду и мебель, на всякий случай. На хозяйственные вопросы крестьянин реагирует бодро и рассудительно, домотканые фразы, которые он употребляет, не все древнего происхождения, но всё же это Рассудительное — не из сегодняшнего дня, так что крестьянин повсюду, где царят молчание и тупость, истоки обычая и веры, носит старые одежды. Он твердо защищает свое экономически устаревшее место, которое труднее вытеснить машинами, чем место ремесленника сто лет назад. Его уже потому труднее вытеснить, что у него в руках средства производства, а сельскохозяйственные машины используются только как вспомогательное средство в старых рамках двора

¹ Бурш — студент немецкого университета, член студенческой корпорации. — *Прим. пер.*

и своей пашни; никакой фабрикант не введет здесь против экономически слабого ремесленника механический ткацкий станок, которым мог владеть только капиталист.

Эта общая форма производства затрудняет также мобилизацию больших экономических противоречий в крестьянстве. Есть нищие крестьяне, есть бедняки, середняки, кулаки (Grossbauern), и их очень разные отношения владения препятствуют тому, чтобы воспринимать крестьянство как единый «класс». Но даже нищий крестьянин еще имеет собственность, пусть жалкую, полностью заложенную, а кулак работает рядом, становится деятельным патриархом: различные отношения владения не производят сами по себе еще никакой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми (только совсем другая пропаганда — пролетарская — взламывает это). Так что крестьянство чувствует себя если не единым классом, то все же относительно единым оставшимся «сословием».

Крестьяне, кроме собственности на средства производства, обладают еще другой неодновременностью, укореняющей то упорство, которое идет от материала, который они обрабатывают, который их непосредственно держит и кормит: они привязаны ко все той же, что и всегда, почве и временам года. Не только аграрный кризис толкает крестьян вправо, где им обещают возвращение старых добрых времён. Их скованное существование, относительно старая форма их производственных отношений, их обычаи, календарная жизнь в круговороте неизменной природы противоречат урбанизации, соединяются с реакцией, вытекающей из неодновременности. Сама рассудительность крестьянства является издревле недоверчивой, непросвещенной, живое чувство владения (землей, свободным от долгов двором) еще сильнее, чем капиталистическое, укоренено в связи с вещами.

Рассудительность, как и чувство владения, как и крестьянский индивидуализм (владение как инструмент свободы, дом как замок), происходит из докапиталистических времен, из производственных отношений, которые уже тогда требовали раздела земли, но еще не было экономически индивидуальных бюргеров. Поэтому крестьянский дом — несмотря на все капиталистические формы, несмотря на все готовые платья и городские товары, — является сегодня по своему плану и ауре готическим; легко можно снова поставить на старое место убранные в кладовку традиционные одежды и мебель, но не так, чтобы это существовало, как в городе — в виде остатков материала. Захолустные места действуют здесь особенно поучительно, так как они показывают глубинные культурные воды... Сундуки изготавливаются деревенскими столярами для современных семейных пар еще в готической форме — не как подделка, а как делали еще их отцы и прадеды. Семьи живут — несмотря на радио и газеты — в деревне, где их Египет является страной, в которой принцесса достала ребенка Моисея из реки, а не страной пирамид или Суэцкого канала;

это рассматривается не с позиции фараона, а, по-прежнему, с позиции Библии и детей Израйля.

И снова: кровавый пот экстатической девы Терезы Нойманн (Therese Neumann) в 1928 году², против воли гораздо более «одновременного» епископа, характеризует совсем другой кусок германской готики. Горы Фихтельгебирге, близкие им Шварцвальд и Шпессарт капсулируют эту готику; даже если эти горы не так мрачны и не наполнены привидениями, как во времена Гауффа, то и сегодня уместны были бы плотогоны, стеклодувы, призраки, разбойники вокруг такой крестьянской готики. Хозяйственно, как и идеологически, крестьяне — посредине подвижного капиталистического столетия — находятся гораздо древнее всех остальных. Даже если капитализм включил в себя земельную собственность, этот докапиталистический элемент. Даже если он насквозь капитализировал крестьянство и снабдил своими товарами; даже если самая последняя деревня присоединена посредством радио к Just Milieu³, — крестьяне держатся за накренившуюся постройку, чувствуют себя представленными в подозрительном городе скорее не рабочими, а дворянскими поместьями. И это будет происходить до тех пор, пока временное различие между городом и деревней не будет стерто в гораздо более далеком завтра — по сравнению с сегодняшним городским.

Правда, уже несколько лет, как и особый городской род людей начал отставать. Обнищавший *средний слой* хочет обратно, в довоенное время, когда дела у него шли лучше. Он обнищал, то есть стал революционно чувствителен, но его труд не предвещает недовольного взрыва, а его воспоминания делают его полностью чуждым современности. Неуверенность, порождающая простую тоску по былому, как революционный толчок воскрешает посреди крупного города образы, которых уже не видели несколько столетий. И здесь нищета не рождает ничего или рождает мало, а только выбалтывает ту неодновременность, которая казалась давно скрытой или вчерашней, но через Вчера освежается в пляске святого Витта.

Более старые способы бытия подобным образом возвращаются в город, сюда же добавляются старый способ мышления и картины ненависти, например о еврейском ростовщике как типичном эксплуататоре. Подразумевается крах «процентного рабства», как будто хозяйство предывает в периоде около 1500 года, надстройки, которые казались давно преобразованными,

² Тереза Нойманн (1898–1962) — германская крестьянка, ставшая культовой фигурой христианского мистицизма. — *Прим. пер.*

³ Just Milieu — что означает «средний путь» или «счастливая среда» — это термин, который использовался для описания центристских политических философий, которые пытаются найти баланс между крайностями, и художественных форм, которые пытаются найти золотую середину между традиционным и современным (URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Juste_milieu). — *Прим. пер.*

вкатываются обратно и застывают в сегодняшнем дне, как средневековые картины города. Здесь — таверна «К нордической крови», там — крепость герцога Гитлера, там — Церковь Германского Рейха, земная церковь, в которой городской народ чувствует себя продуктом германской почвы и чувствует почву как святыню, как *Confessio*⁴ германских героев и германской истории.

Такого рода любовь к фатерлянду, пена и искаженный глаз — то, как в Германии мыслят Германию, — не просто замена потерянному сословному чувству. «Сила и Честь страны» — это не просто мечта (очень удобная для индустрии вооружений), вознаграждающая в коллективных чувствах фактическое бессилие и унижение отдельного мелкого буржуа. Это даже не трансфузия «избранного народа» в германский, полностью обожествленный. Скорее это очевидный эксцесс, напоминающий примитивно-атавистическое “*participation mystique*”⁵, привязанность примитивного к почве, содержащей духов своих предков. Больше, чем когда-либо, мелкие буржуа являются сочным удобрением для идеологии; но все же обнаруживается, что по сравнению с ними безудержная идеология сегодня имеет более длинные, старые корни.

К тому же крестьяне еще иногда верят в ведьм и заклинания, но уже давно не так часто и сильно, как значительный слой горожан в привидения евреев и в новый Бальдур⁶. Крестьяне еще читают иногда так называемые шестую и седьмую книги Моисея, бульварный справочник против болезней в хлеву, о силах и тайнах природы; однако половина среднего сословия верит в мудрецов Сиона, повсеместные еврейские знаки и символы масонов, в гальваническую силу немецкой крови и меридиана. Служащий показывает себя диким и воинственным, при этом хочет повиноваться, но только как солдат, борясь и веря... *Наслаждение* служащих не быть пролетариями поднимается до оргиастического желания подчинения, магического существования чиновником при каком-либо герцоге.

...Это означает: среднее сословие, в отличие от пролетариата, не принимает непосредственного участия в производстве, а входит в него только с промежуточными видами деятельности, настолько далекими от общественной причинности, что в них может образовываться без помех алогичное пространство, в котором оживотворяются желания и романтизмы, первобытные инстинкты и мистицизмы. Само непосредственное хозяйственное содержание фашизма является неодновременным или стало таким — с тех пор, как свобода торговли и ремесел идет на пользу только крупным предпринимателям и уничтожает мелких; парламентская демократия в таком

⁴ Признание (лат.). — *Прим. пер.*

⁵ Мистическое участие (фр.). — *Прим. пер.*

⁶ Бальдр (др.-исл. Baldr), или Бальдер (у Э. Блоха в тексте иное написание — «Бальдур») — в германо-скандинавской мифологии один из асов, бог весны и света. — *Прим. пер.*

случае — ненавидимый гарант свободной конкуренции и соответствующей ей политической формы.

Вместо этого сословное государство хочет низвести хозяйство снова на ступень докапиталистического малого предприятия; крупному капиталу оно себя рекомендует как инструмент против классовой борьбы, среднему классу — как спасение и актуально-романтическое выражение его неодновременности. Таким же образом государство *идеологически* не удерживает среднее сословие в «рационализации» и отторгает рацию тем раньше, чем больше это рацию проявляется в мире среднего сословия как враждебное, вдвойне враждебное. Еще точнее — как чисто позднекапиталистическая рационализация и точно так же, как позднекапиталистическое, понимаемое как «марксистско-еврейское» разложение ценностей, передаваемых традицией.

Сверхчеловек, белокурая бестия, биографический вопль-призывание великого человека, чутье на ведьмину кухню, на давно прошедшее время — все эти знаки бегства от релятивизма и нигилизма, из которых в салоне высшего слоя возникает просвещенная дискуссия, образуют в катастрофе среднего слоя настоящее политическое поле. Оно, как бы странно это ни звучало, всегда обжито только служащими, их дома — это дома семьи и «чистого» хозяйства довоенного⁷ времени или сословного государства; а пользу извлекает крупнокапиталистический высший слой, вынашивающий готические мечты против пролетарской действительности. Еще никогда темные места (*Dunkelheiten*) не должны были претерпевать столь оживленное общение с мещанами, столько коварства, подлости, упрямой провинциальности, столько Эдды⁸ на выжженных досках, столько гербовых девизов на саксонском.

И все же здесь, в ярости миллионов, в ставшем архаическим ландшафте вокруг них, есть поля другого Иррационального. Это живые и оживляемые неодновременности с подлинным содержанием, чьи проявления ведут за собой языческую дикость, природу Пана. Восстания старых слоев против цивилизации в такой демонической форме были известны на Востоке, прежде всего в магометанских странах. Их фанатизм появился сейчас и у нас, на пользу белогвардейцам, пока революция не овладеет и снова не окрестит живое Вчера. С упадком Гитлера неодновременное, возможно, будет проявляться слабее, но все же оно останется ядром и основой национал-социалистического, как и любого будущего, гетерогенного удивления. Национал-социализм рельефно показал Пролетаризированное в демоническом виде, комично-ужасающий образ которого не должен быть забыт и еще меньше понят как бесполезный.

⁷ Довоенное время — имеется в виду до Первой мировой войны 1914–1918 гг. — *Прим. пер.*

⁸ Эдда — собрание мифологических и героических песен на древнеисландском языке. — *Прим. пер.*

В. Неодновременность и одновременность, философски

Многие из этих людей входят в Теперь с отставанием. Они отстали от хода этого Теперь, потому что медленно шли... Поэтому не стоит видеть более древнее там, где есть просто отставшее. То, что плохо вписывается в Сегодня, но относится к нему.

Маленький человек потерял деньги и хочет их вернуть. На этом пути он может одичать и начать грезить. Духовно у него не все в порядке, но он находится в Теперь. Если его положение улучшится, то дикость и грезы прекратятся. Если же положение не улучшится, а Гитлер у власти однажды разочарует, тогда пролетарии, идущие за ним или пытавшиеся сделать это, отпрянут влево, где их ожидает мелкий буржуа, однако, по крайней мере, больше не будут верить в призраков. Поскольку многое является ложным неодновременным, мелкий буржуа вернется — скорее сегодня, чем завтра, — в свою каморку, в ярости и фразах у него «здравый» смысл... Он заполняет себя красивыми словами, громкой игрой, блестящей бессмыслицей и, вследствие этого опьянения, хочет снова стать домашним животным. Поэтому возникает движение, которое нельзя недооценивать... но о чем не стоит резко трубить повсюду.

Вера, послушание, борьба — это фашистские добродетели? Возможно, но послушание среди них — это лучшая добродетель для многих... Порядок и иерархия — это фашистский архитектурный стиль? Возможно. Но многие люди ищут в порядке свое спокойствие, а в иерархии в порядке — свое место. Да, национал-социалистическую агитацию небезосновательно назвали призывом к низменным инстинктам человека; никакое негативное замечание не может быть более современным... Маленький человек только не замечает, где он находится, хотя он полностью, пусть и одурманенный, находится в Теперь. Многие из окутывающих его туманов — неожиданных и особенных — не так стары.

Подлинно неодновременное отставание

Однако маленький заблуждающийся человек — это еще не всё. Нужда привносит, наряду с затхлым ранним утром, настоящее, с которым надо считаться. Сегодня есть галоши нужды, которые так же ведут в прошлые времена, как в сказках галоши счастья⁹. Если бы нужда задела только одновременных людей, их различные должности, происхождение и сознание, то она не могла бы заставить их маршировать в различных направлениях, особенно уводящих далеко назад. Они могли бы в немалой степени «понять» коммунистический язык, который полностью одновременен и точно ориентирован на самое

⁹ Блок использует традиционное, идущее от французского оригинала, выражение — «Galoschen». Русские переводчики сказки Г.-Х. Андерсена в XIX веке использовали другой вариант — «Калоши счастья». — *Прим. пер.*

передовое хозяйство. Одновременные люди не могли бы — несмотря на всё их срединное положение, делающее их экономически тупыми, несмотря на все существующие иллюзии, — так архаически дичать и романтизировать.

Ясно, что люди из среднего сословия иначе, чем пролетарии, отрицают свое превращение в товар, поскольку они только опосредованно находятся в производстве. Это происходит еще и потому, что до недавних пор служащий еще не был так нивелирован, еще не был так отчужден в своем труде, не был так неустойчив в своем положении; кроме того, в отличие от пролетариев, существовали небольшие индивидуальные возможности карьеры. Однако если сейчас, после упадка высокого уровня жизни и всех перспектив карьеры, массы служащих не сдвинутся к коммунистам или, по меньшей мере, к социал-демократам, тогда, наоборот, явно среагируют силы, которые скрывают превращение в товар не только субъективно-идеологически (что имело место у нерадикализированной середины вплоть до послевоенного времени), а реально, исходя именно из *реальной неодновременности*. Тогда действуют импульсы и резервы из докапиталистических времен и надстроек, подлинные неодновременности, освежающие сознание погибающего класса или позволяющие это освежение.

Всё же здесь не только крестьяне и маленькие люди, но и более представительные господа сохранились «нетронутыми», то есть по-старому. Дорога, которую капитал пробил через «органически» переданную (по традиции) землю, по крайней мере как германская дорога, показывает особенно много окольных путей и разломов. Уже во время войны выяснилось, что Германия — не только развитая капиталистическая страна, а класс юнкеров — не только бутафория. Это добавило к империалистической войне как «восстанию производительных сил против их национально-государственной формы эксплуатации» еще более древние причины и содержание. (Германская социал-демократия тогда распознала это, но не сделала революционных выводов в виде борьбы, в первую очередь, против отечественных юнкеров и доморощенного милитаризма. Ценность этого неодновременного познания не отменяет, однако, не сделанных из этого выводов.)

Вообще Германия, в которой до 1918 года не удавалась ни одна буржуазная революция, является, в отличие от Англии и даже Франции, классической страной неодновременности, то есть страной непреодоленных остатков старого экономического бытия и старого сознания. Земельная рента, крупная земельная собственность и ее власть в Англии или во Франции были сплошь включены в капиталистическое хозяйство и его политическую власть; в далеко отставшей и гораздо более разношерстной Германии победа буржуазии не оформилась в такой же степени экономически, не говоря уже о политике и идеологии. «Неравное отношение развития», которое Маркс во введении к «Критике политической экономии» приписывает материальному производству в отношении художественного, давно уже было в Германии только материальным и, таким

образом, препятствовало в хозяйственной иерархии сил формирующемуся влиянию капиталистического мышления, то есть одновременности. Во всяком случае, вместе с остальбским феодализмом держится целый музей германских взаимодействий, анахроническая надстройка, которая все равно господствует, являясь экономически устаревшей и требующей поддержки.

Мировая история не всегда была в Германии историей городов. Здесь не возникает вопрос о том, не обнаруживает ли издревле само прусское юнкерство достаточно искусственные, даже рационалистические черты (в отличие от подлинных бояр, укорененных в народе): прусская поддержка Священного Союза, если она была самой «современной», но в любом случае не самой слабой. Сегодня юнкерство наполовину полегло или ориентировано на национальную «Народную партию», даже на национальный «социализм». Однако марксистская революция, которая хочет «преобразовать старый мир его же собственными крупными средствами», наталкивается в капиталистической республике не только на крупный капитал, но и на новые реакции неодновременности; она наталкивается на «отполированное» противоречие этой неодновременности с капиталом, а заострённо — с марксизмом. <...>

Хозяйственный кризис, раскрепощающий беспорядок, происходит в стране с особенно большим количеством докапиталистического материала. Это большой вопрос, является ли Германия по своей еще не сформировавшейся силе более вулканической страной по сравнению с Францией. Однако у нее даже близко не выкристаллизовалось и не выровнялось капиталистическое рацио. Именно этот относительный хаос преподнес национал-социализму «Несвоевременное», Неодновременное, извлеченное из еще более глубокой отсталости, а именно из варварства. В Германии не нужен был бы Ницше, чтобы допустить антитезы: кровь против духа, дикость против морали, одурманенность против разума — вплоть до заговора против цивилизации...

Логическое свойство неодновременных противоречий

Нужде не хватает еды, а в средних слоях (Mitte) еще чего-то более высокого. В сегодняшней жизни они не могут уже найти того, чего давно хватились в своей заброшенности. Это привычное, в конце концов, «душевное», Недостажное противоречит Теперь (Jetzt) так же сильно, как и недостающая еда — и не только экономически. Каждое будоражащее противоречие, и даже его видимость, имеет две стороны: *внутреннюю*, которой, так сказать, что-то не подходит, и *внешнюю*, в которой что-то не так.

Обнищавшая Середина¹⁰, преимущественно не из сегодняшнего дня, противоречит Теперь, которое она отбрасывает всё дальше, внутренне глухо,

¹⁰ Здесь: средние слои. — Прим. пер.

а внешне — остатками, которые *чужды* этому Теперь. Противоречащее является здесь, внутренне или субъективно, глухим, но точно так же в самом времени, внешне или объективно, чуждым, оставшимся, короче говоря неодновременным Остатком. Как просто глухое нежелание Теперь, это Противоречащее *субъективно* неодновременно, а как существующий остаток прежних времен в сегодняшнем — *объективно* неодновременно.

Субъективно Неодновременное, после того как оно долго ожесточалось, проявляется сегодня как *застывшая* ярость. В спокойные времена эта ярость была Раздражающим или Наводящим на размышления немецкого мелкого буржуа, который, не поспевая, — с руганью — внутренне отдалялся от жизни. В сегодняшнее время, которое уже не знает никакой Середины, субъективно неодновременными, в самом мрачном смысле, но как дрова для ярости, являются положение средних слоев, а также прежние представления о долге и образовании.

Этому соответствует *объективно* Неодновременное, как продолжение действия старых отношений и форм производства, так же как и старых надстроек. *Объективно* Неодновременное является по отношению к современности далеким и чуждым, оно охватывает *погибающие Остатки*, как, прежде всего, *непереработанное прошлое*, которое капиталистически еще не «снято». Субъективно неодновременное противоречие активизирует это объективно неодновременное, так что оба эти противоречия сходятся вместе — мятежно перекошенное противоречие застывшей ярости и объективно чуждое противоречие сохранившихся бытия и сознания. Здесь элементы старого общества и его относительного порядка существуют в современном неупорядоченном обществе, а субъективно неодновременное противоречие поразительным образом оживляет эти элементы негативно и позитивно.

Дом, Почва, Народ — таковы объективно снятые противоречия перехода к капиталистическому Теперь, в котором они стремительно разрушаются и не замещаются. Они являются противоречиями перехода к капиталистическому Теперь и еще не отмершими элементами старого общества. Уже в своем происхождении они были противоречивы по отношению к прошедшим формам, в которых содержания Дома, Почвы, Народа никогда полностью не реализовывались. Таким образом, они являются противоречиями невыполненных интенций *ab ovo*, раскола с самим прошлым — но не как раскола одновременных противоречий в одном месте, а сквозь всю историю: так что скрытые противоречия, а именно еще не переработанные содержания интенций прошлого, сами восстают против истории.

Прошлое приукрашивается мелкими буржуа, оно противопоставляет этому Теперь свое Несбывшееся, смешанное с относительно лучшим прошлого. Так, застывшая ярость его неодновременного противоречия направлена не столько против плохого перехода, сколько против такого Теперь, в котором исчезает

последняя цель (Letzte). Однако никогда субъективно неодновременное противоречие не было бы таким острым, а объективно неодновременное таким явным, если бы не было объективно *одновременного* противоречия, созданного и растущего вместе с *сегодняшним капитализмом*. Анахронистское одичание в виде воспоминания высвобождается во времена кризиса и отвечает на объективно революционное противоречие этого кризиса субъективно и объективно реакционно, то есть неодновременно.

Неодновременное противоречие, даже высвобождающее объективно одновременные противоречия в результате растущего обнищания, распада, расчеловечивания в чреве позднего капитала, в качестве неодновременного является для капитала неопасным. Напротив, капитал нуждается в объективно противоположном как в отвлечении от своих строго современных противоречий. Он использует антагонизм еще живого прошлого как средство борьбы и разделения против диалектически рождающегося в капиталистических антагонизмах будущего. Через весь XIX век в мелкой буржуазии притуплялись интересы двух классов (Маркс). К этому притуплению сегодня добавляются гармоничные картины прошлого, которые пытаются амортизировать эксцессы капитализма. Эти картины наполняют нигилизм — это значительное одновременное противоречие позднего капитализма, эту идеологическую параллель к превращению в товар всех людей и вещей — смешанными образами, как фронтовой дух 1914 года, романтические теории государства и их феодальный капитализм, пруссачество и социализм или другие идеологии, в качестве поспешных разрешений общественных противоречий. Поэтому неодновременное противоречие является противоположностью побуждающего, взрывающего противоречия. Оно не связано с пролетариатом как сегодня исторически решающим классом, с полем борьбы пролетариата и крупного капитала как пространством сегодняшнего решения.

Если неодновременное противоречие высвобождается в радиусе действия капиталистических антагонизмов, то оно является почти случайной, ложной инаковостью (Anderheit). Так между неодновременным противоречием и капитализмом возникает разрыв, трещина, которая может утешать или заполняться туманом. Прежде всего, неодновременное противоречие — уходящих, непереработанных прошлых времен — не производит из своего большого количества переход в новое качество. Революционные узелки, которые противоречие сплетает, в конечном счете, в одном единственном пункте, скачкообразно побуждающем к революционному решению, возникают только при одновременных противоречиях, являющихся растущими детьми будущего или инаковости, но не при неодновременных, историческое величие которых и тем самым приключения их качества лежат далеко позади.

Даже возможное дозревание собственно непереработанного в этом прошлом не может возвыситься до такого качества, которого оно не знало бы

в своем прошлом. Здесь мог бы помочь союз, освобождающий из прошлого возможное *будущее* тем, что поместил бы их обоих в современность. В конце концов, в неравном противоречии содержится действительность, которая — как показывает ужасный пример, — нелегко сдвигается с места и включается в одновременное противоречие. В одной коммунистической резолюции о германском фашизме говорится, что он таит в себе как наступление правящих классов, так и элементы их разложения, короче, он отражает диалектическое противоречие позднего капиталистического развития и тем самым его собственный закат. Это совершенно правильно, но не исчерпывает неодновременного содержания, выражающегося в застывшей ярости и сохранившихся связях.

Рожденная именно сегодня нужда рабочих имеет гораздо более легкое средство, чтобы обороняться. Здесь есть только одно *одновременное противоречие*, оно в Сегодня полностью схватываемо... Его субъективное проявление, его субъективный фактор — это не застывшая ярость, а классово сознательный революционный пролетарий. Его объективное проявление, его объективный фактор — это не уходящий остаток или переработанное прошлое, а *задержанное* (*verhinderte*) *будущее*. А именно: бытие самих пролетариев, несоответствие капиталистически развязанных производительных сил капиталистическим производственным отношениям, кризис.

Рабочий, распознающий себя как товар, раскрывает тем самым неистово-жуткий товарный характер капиталистического общества, в качестве нового класса не обманывает себя прошлым, понимает, что образы «человека» или «жизни», которые он противопоставляет овеществлению, еще исторически не определены. Пролетарий как самоликвидация буржуазного общества, классового общества вообще, является — субъективно и объективно — телесным противоречием одновременного общества, а его революция, как продукт диалектического *познания* одновременных противоречий, не принимает во внимание образы, воспоминания, содержания прошлого. Она по-настоящему активизирует общество будущего, которым беременно сегодняшнее общество, переход к которому ищут современные анархии и нигилизмы. Однако это не мешает тому, что одновременное противоречие частично движимо тем же самым материалом, которого неодновременному тоже не хватает в Сегодня, что так неправильно искалось в прошлом.

Формы и содержания прошедшего не трогают классово сознательного рабочего совсем или только по отдельным родственным, революционным пунктам, хотя относительно живое и целое прежних отношений людей становится ясным. Эти отношения были более непосредственны, чем капиталистические, они вели как к людям, так и к окружающему миру, который они обрабатывали, они несли больше «материи», чем сегодня. Это Непосредственное в ранних формах было только по видимости ближе, только относительно лучше определено...

Однако это Относительное не только реакционно, чтобы считать Прошлое частью по-настоящему не отмершего по отношению к Современному. Оно дает — частично позитивно — часть такой материи, которая ищет жизнь, не разрушенную капиталом, ведомую пролетарски, но которую вообще возмущает отчуждение «человека» и разрыв «жизни». Мы называли неодновременную инаковость (*Anderheit*) неправильной, а ее бунт, как гораздо более древней материи, бунтом в новом окружении: однако в конечном счете оказывается, что как раз часть материи неодновременных противоречий уже давно дополняет материю одновременных противоречий.

Материя одновременных противоречий — это не только материя уже имеющихся развязанных производительных сил, но точно так же внешняя, «поэтому» побуждающая к перевороту *негативность* современного состояния: отчужденный человек или пролетарий, отчужденный труд или товарный фетишизм, неудержимость Ничто. Эти негативности содержат в себе свое диалектически позитивное, даже высшее позитивное, но содержащееся внутри одновременного противоречия и его материи только как мятежная нехватка (*Vermissung*), а именно нехватка целостного человека, неотчужденного труда, рая на земле. Короче, в мятеже пролетарской и овеществленной негативности содержится и материя такого противоречия, которая из совершенно не освоенных «производительных сил» поднимает на борьбу интенции *всё еще неодновременного вида*.

Эта позитивность соприкасается, не только в глубочайшем смысле, с подрывающе-утопическим образом «человека», «жизни», еще не осуществившимся ни в каком времени и потому являющимся последним жалом революции, ярким блеском любой идеологии; она соприкасается, по ту сторону этой скрытой всеобщности, с такими позитивностями, о которых — как форме и содержанию более старой материи — уже очень рано начали вспоминать как о направленных против капитализма. Сюда относятся не только буржуазно-революционные позитивы, как аркадная «природа» Ж.-Ж. Руссо, но и позитивы прошлого, продолжающие действовать в капитализме, смешанные в духе реставрации, если не отречения от революции: средневековые романтики, новое рождение качественно-органически упорядоченного мира из пещеры «проблемы вещи-в-себе» и других обманливых образов, картины-загадки, сокровищницы еще не полностью переработанного прошлого.

Эти, как уже показано, не способные к перевороту моменты неодновременного противоречия всё же обладают, сентиментально или романтически, той целостностью и жизненностью, откуда коммунизм черпает настоящую материю против отчуждения, но откуда сегодня, наряду с коммунизмом, возникают, проникая друг в друга, одичание, привязанность к пространству, аркадно-дионисийская «природа». Это такое творение, которое никогда

не насытится, как менетекел¹¹ и свидетель существования таких сфер, которые делают обязательной для диалектики, связанной с капитализмом, *проблему* многослойной диалектики. Сам марксизм не столь радикален, как разрушительный капитализм; не вникая в абстрактный капиталистический расчет, он выступает не наполовину просветительским, а полностью прорывным и превосходящим, он направлен, менее всего аскетично, против претензий «природы», этого антиквариата неразрешенности. В процессе не было бы таких неудач, такой проблемы «наследия», если бы его последняя ступень была единственной, на которой должна была бы стоять диалектика и совершаться конкретная революция. Фундаментом неодновременного противоречия является неосуществленная сказка старого доброго времени, неразрешенный миф темного старого бытия или природы... Здесь частично присутствует не просто классово непрошедшее, а материально еще не совсем завершенное прошлое.

Проблема многослойной диалектики

Подвижное Теперь следует сделать более широким. Надо различать ложное и подлинное не одновременное противоречие, не одновременное и одновременное, а в обоих снова различать субъективный и объективный факторы противоречия. *Субъективно не одновременное противоречие есть застывшая ярость, объективно не одновременное — незаконченное прошлое; субъективно одновременное противоречие — свободное революционное деяние пролетариата, объективно одновременное — задержанное будущее, содержащееся в Теперь, задержанное техническое благодеяние, задержанное новое общество, которым беременно старое общество в своих производительных силах.*

Ключевым моментом объективно одновременного противоречия является конфликт между коллективным характером капиталистически развитых производительных сил и частным характером их присвоения. Возрастающее обобществление труда больше не уживается с частнокапиталистическими отношениями собственности, с буржуазной формой, благодаря которой промышленный труд так вырос. Таково объективно одновременное противоречие времени, или его четкое классовое противоречие: производительные силы и отношения собственности являются здесь двумя существенными частями одновременного единства. Только это четкое противоречие является революционно разрешающимся противоречием времени, но оно не единственное.

Другое противоречие — между капиталом и не одновременно обнищавшими классами — находится рядом с одновременным, пусть даже

¹¹ Мене, мене, текел, фарес (*ивр.*, здесь церковнославянский вариант) — слова, начертанные таинственной рукой на стене во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона от рук Кира. В буквальном смысле означает, что пир будет окончен. В переносном смысле — всё когда-то заканчивается. — *Прим. пер.*

расплывчато. Так оно производит в «аисторичном» классе мелкой буржуазии страх и застывшую ярость, а не собственное, современное, проработанное классовое сознание. Поэтому оно делает материал конфликта внешним и приглушенным, направленным против симптомов, а не против ядра угнетения; содержание конфликта является романтическим, так сказать «архаически» антикапиталистическим.

Следует видеть в противоречии возможную силу даже тогда, когда оно не выходит за пределы неодновременного разрыва. Оно остается приемлемым для Теперь капитала, пока отсутствует намерение или искушение Неодновременного маршировать в сегодняшнем поле. Необходимо выделить в неодновременном противоречии элементы, способные к отвращению и превращению, чуждые капитализму, то есть безродные в нем, и перемонтировать их в функцию другого отношения. В результате остается «тройственный союз» пролетариата — при его гегемонии — с обнищавшими крестьянами и средним сословием. По-настоящему одновременное противоречие обязано быть конкретным и тотальным, чтобы так же и по-настоящему неодновременное противоречие освободить от реакции и присоединить к тенденции.

Старые противоречия сами по себе не являются проблемой на пролетарской бытийной основе; революционная диалектика остается исключительно диалектикой установленных противоречий позднего капитала, а не высвобожденных мест разлома, в которых у Гитлера находятся рудники. Однако пролетарская гегемония — не размытая, не поврежденная — не будет достигнута, если она фундаментально не «овладеет» материалом подлинной неодновременности и ее гетерогенных противоречий. Изгоняя повсюду ложное сознание и беспредметную романтику, рассудок, не являющийся чисто абстрактным, в такой же степени забирает себе подрывные и утопические элементы, вытесненную материю этого еще не Прошедшего. По праву говорят, что к сущности фашистской идеологии относится включение болезненных состояний всех фаз культуры. Однако неверно говорить, что только болезненных, если бы здоровые состояния не были так же доступны для этой идеологии гниения. Подобное обобщающее суждение присоединяет полностью абстрактно-негативным способом к ленивому колдовству также и специфическую оппозицию неодновременности из-за ее мрачности. Так что в конечном эффекте фашизм укрепляется — а именно различие между неодновременным противоречием и его фашистским обманом отрицается и склеивается — на этот раз с вульгарно-марксистской стороны. Фашизм издавна использовал то, что шевелилось в крестьянско-мелкобуржуазной, неодновременной оппозиции.

Так возникает — с тем чтобы совладать с неодновременностью — проблема многослойной революционной диалектики, так как видно, что в капитализме и его диалектике целостность предыдущего развития еще не «снята». Мировая история, говорил буржуазный революционер Бёрне, это дом, где

больше лестниц, чем комнат; и сам Маркс, подчеркивая относительно Терпимое докапиталистического состояния, характеризовал греческое искусство и эпос «в определенном отношении как норму и недостижимый образец» (Введение «К критике политической экономии»): в нем это «общественное детство человечества» совсем не лишено привлекательности; во всяком случае капитализм — это не единственный дом истории, который следовало бы диалектически наследовать. Чистый историзм требует иметь в виду бесконечное многоголосие без господствующего голоса, чистый социологизм — применять ко всему прошлому типично идентичные, по крайней мере формально идентичные, «законы», или «гештальты». Марксизм, напротив, находит свою диалектику не в том, как она проявляется в капитализме, он варьирует ее конкретно по отдельным состояниям общества, он старается удержать — также и через прошлое, продолжающее действовать в капитализме, — ту *тотальность*, которая свойственна диалектической тенденции развития не на каждой ступени, а, скорее, на последней достигнутой ступени.

Многовременная и многопространственная диалектика, полиритмика и контрапункт такой диалектики являются инструментом достигнутой (*beherrschte*) последней ступени, или тотальности: не каждой просто само собой разумеющейся, а критической, не созерцательной, а зацепляющей практически. Эта *тотальность* должна быть критической, чтобы не загрузить изжившие себя (*abgestandene*) способы бытия вместе с двойным ложным — вследствие этой изжитости (*Abgestandenheit*) — сознанием. То, что еще не осуществила история в этом абсолютно прошлом, а именно — не сделала историческое воспоминание безнадежным, навечно погребенным, — доделывает материалистический анализ оставшегося ложного сознания посредством растворения его видимости, разоблачения его сегодняшних иллюзий.

Ради, возможно, подлинного Продолжающего действовать и не прошедшего в прошлом, ради подлинных туманностей (которые еще должны родить звезду), нельзя отягощать тотальность простыми видимостями тумана, давно устоявшимися созвездиями; пусть они выглядят так похожими на туманности, как старинные заклинания новой земли или Третьего Рейха, государства будущего.

Далее, тотальность должна быть *критической*, чтобы, исходя из справедливой противоположности по отношению к капиталистическому разрыванию всех жизненных связей, не впасть в ложное сходство с идеалистической «тотальностью», которая является тотальностью системы (прядением из одного-единственного идеалистического принципа и его непрерывной, панлогической связи), даже дериватом мифа (веры в великого, безраздельно властвующего Пана). Тотальность должна быть не только критической, но, прежде всего, *не-созерцательной*: только таким способом она добьется того, чтобы не дать Неставшему, Неисправленному застояться в прошлом; скрытое противоречие по отношению к истории,

ставшее открытым противоречием по отношению к современности, попадает гораздо сильнее в диалектико-практические шестерни.

Диалектическая тотальность Гегеля была простой тотальностью вспоминаемого знания и к тому же такой монадной, в которой «все участники упоены», в которой, однако, каждое явление могло найти успокоение, поскольку «оно было оснащено полным богатством духа»¹². У Гегеля последующая ступень была как интендированная высшая истина предыдущих, а тотальность становилась все точнее в последнем звене (Glieder); да, у него основное противоречие было движущим во всех отдельных противоречиях, а также и в отдельных примирениях (Versöhnung), движущим к целостности всего дела; диалектика здесь является, не только как у Шеллинга, единством противоречий, но единством единства и противоречий. Но если серьезно относиться к гегелевской истине последней ступени, к «самости» (Selbst), которая «должна проникнуть и переварить все богатство своей субстанции», тогда проникновение может быть только не-созерцательным или таким, которое обладает богатством субстанции не в форме позолоченного прошлого, а в фактическом наследстве своего конца, содержащегося в Теперь. Короче говоря, тем, которое из незавершенного богатства прошлого, если оно еще не «снято» на последней ступени, приобретает *дополнительную революционную силу* (Gewalt). Так помогают непрощенные, то есть не полностью осуществленные — и потому остающиеся подрывными и утопическими — содержания в отношениях человека к людям и к природе; эти содержания одновременно являются золотосодержащей россыпью в ходе прежних трудовых процессов и созданных ими надстроек.

Многоголосая диалектика собранных «противоречий» — сегодня гораздо больше, чем когда-либо, — имеет в капитализме немало вопросов и содержаний, которые еще «не преодолены в ходе экономического развития». Пролетарский голос одновременной диалектики остается ведущим только ограниченно, поскольку под и над этим *cantus firmus*¹³ протекают неупорядоченные упущения (Ausgelassenheiten), которые только потому следует связать с *cantus firmus*, что последний — в критической и несозерцательной тотальности — касается каждой из них. А многопространственная диалектика проявляется, прежде всего, в диалектизации еще «иррациональных» содержаний. Они являются, по их остающемуся критическим позитиву, «туманностями» неодновременных противоречий.

Перевод с немецкого С. Е. Вершинина

Рукопись поступила в редакцию / Received: 27.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

¹² В данном предложении Блох использует мотивы из введения к «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля. — Прим. пер.

¹³ Ведущим голосом. — Прим. пер.